

а) творческое наследие Муравьева – полное и наглядное отражение исканий русской интеллигенции в переломный период: «историческая судьба дворянских интеллигентов в период великих исторических катастроф» [Гуковский 2003: 265];

б) высокая духовность как высший эталон – «эманация высокого строя души индивидуального человека» [Гуковский 2003: 264];

в) диалог с Руссо, связь «... единым движением мысли и чувства их времени» – «... в этом сила и значительность ... Муравьева» [Гуковский 2003: 265];

г) язык словесности и культуры, в ходе реформы, осуществленной Муравьевым, начинает ориентироваться на то, чтобы выразить «... глубокие основы мироощущения поэта» [Гуковский 2003: 265].

Нам представляется, практически каждая из этих позиций – наглядный урок-совет и нашему непростому времени, времени, в котором переплетаются тенденции к глобализации и при этом к сохранению национальной идентичности, времени, «визитной карточкой» которого выступает диалог-контраст технического и гуманитарного знания. В плане же более камерном, исследования генезиса и эволюции Муравьевского мифа, заметим, что миропозиция Г.А.Гуковского занимает показательнейшее переходное (в определенной степени - и переломное!) положение между опытом эссе-монографии Николая Жинкина самого начала XX века и исследованиями первого классического "муравьевоведа" 1930-1960-х годов – Любови Ивановны Кулаковой.

Литература

Гуковский Гр. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. – Л.: ГИХЛ, 1938.

Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. – М.: Аспект Пресс, 2003.

Зорин А. Григорий Александрович Гуковский и его книга // Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. – М.: Аспект Пресс, 2003. – С.3-12.

А.Ш.Темирбулатова

Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Христианские ценности в просветительском творчестве М.Н.Муравьева

Михаил Никитич Муравьев – особенное явление в русской литературе. В истории России и ее культуры он остался как человек исключительного ума и нравственности.

Однако следует отметить, что в исследованиях, посвященных наследию Муравьева, наблюдается нередко тенденция к достаточно одностороннему подходу в отношении к его взглядам и творчеству. Сходясь в оценке личности Муравьева как человека высоконравственного, учёные указывают в первую очередь на приверженность Муравьева европейской философии Просвещения. Цель нашей работы – вы-

явить и доказать причастность Муравьева отечественной нравственной традиции, почерпнутой в древнерусской литературе и Православной вере.

В 1785 году Муравьев был приглашен наставником, а также учителем словесности, русской истории и нравственной философии для великих князей, внуков Екатерины II – Константина и Александра.

Не оставшись в стороне от влиятельных для второй половины XVIII века просветительских педагогических концепций Европы (Локк, Руссо, Фенелон, Клерк и другие), Михаил Никитич пошел существенно дальше: ассимилировав их, создал свою, оригинальную систему обучения и воспитания. В частности, Муравьев не принимал системы «природного состояния», принадлежащую Ж.-Ж.Руссо, и, как в своей воспитательной деятельности, так и в целом в своей системе убеждений, отстаивал необходимость просвещения и позитивную роль распространения наук в процветании добродетелей: «Просвѣщаясь, становимся мы доброжелательнѣе <...> Вся система наукъ, вѣличественное и разнообразное зданіе, есть спокойное убѣжище от пороковъ, страстей и праздности» [Муравьев 1820, 3: 269].

Одним из краеугольных принципов педагогической системы Муравьева стала высоконравственная личность самого учителя: он во многом старался воспитывать цесаревичей собственным примером. Н.Жинкин об этой роли Муравьева говорил: «учитѣль всегда долженъ быть на сторожѣ, слѣдить за своими дѣйствіями и словами, помнить, что передъ нимъ необыкновенно воспріимчивая и чуткая аудиторія» [Жинкин 1902: 290]. Уже этим исследователем в начале XX века был отмечен системный подход Муравьева к передаваемым знаниям, что подразумевает взаимосвязь и интеграцию изучаемых предметов. Тем самым, как видим, писатель-просветитель шел в авангарде современной ему педагогической мысли. Известно и важно также, что Михаил Никитич был знаком с трудами Я.А.Коменского, где впервые были сформулированы идеи системного подхода в педагогике.

Муравьев-наставник старался воспитать из цесаревичей поистине просвещенных монархов, «понимающих значение развития промышленности и торговли», «умеющих уважать в каждом подданном человека», «покровителей наук и искусств» [Кулакова 1967: 8] и, вместе с тем, добродетельных христиан.

Относительно первого пункта, он опирался на труды французских просветителей и английских экономистов. Именно с воспитанием М.Н.Муравьева ряд ученых, таких как В.О.Ключевский, А.Н.Пыпин, А.Ю.Андреев, связывают идеалистические черты личности императора Александра I. Что же касается второй составляющей, то здесь, бесспорно,

идеологической базой служила христианская этика и древнерусская письменность.

В итоге Михаил Никитич органично соединил идеи Просвещения и древнерусскую этику, преодолевая «педагогический хаос», как назвал ситуацию смены культурных парадигм, сложившуюся во времена Екатерины II, П.Ф.Каптерев.

В своей воспитательской деятельности Муравьев активно использовал собственные сочинения. Можно говорить о том, что в период учительства не только свои моральные и физические силы, но и сам талант Муравьев поставил на службу России. В это время им как раз были созданы: «Разговоры мертвых», «Эмилиевы письма», «Обитатель предместья» и др. В этих сочинениях Михаил Никитич «проповѣдовалъ любовь к челоѣчеству» и «необходимость господства закона, обуздывающаго деспотизмъ» [Пыпин 1918: 20].

Будучи связанными с воспитательной деятельностью Муравьева, «Разговоры мертвых» (опубликованы в 1796 году, после окончания обучения цесаревичей) проникнуты патриотическим пафосом и обладают очень отчётливым религиозно-нравственным звучанием.

Ранее, по выражению В.Н.Топорова, «текст истории» Муравьева изучался с точки зрения исторической науки или в контексте западной концепции истории. Топоров отмечает, что Муравьев занимался изучением трудов Гиббона и Робертсона, Макиавелли, Болингброка, Юма и Фергюсона [Топоров 2001]. Нашей же целью является рассмотреть творчество Муравьева с точки зрения традиций традиций древнерусской словесности и этики. Однако указание Топорова на знакомство Муравьева с трудами Эдуарда Гиббона для нас очень ценно, так как в «Истории упадка и разрушения Римской империи» Гиббон хотел показать путь Римской империи от конца II в. до 476 года, но, работая над источниками, сделал вывод, что после падения старого Рима его роль взял на себя новый Рим – Константинополь, поэтому философ-историк стал писать и историю Византии до ее падения, то есть до захвата ее Османской империей в 1453 году. Возможно, именно это и натолкнуло Михаила Никитича на мысль о древнерусской концепции «Москва – Третий Рим».

Интересное развитие в «Разговорах мертвых» находит известная древнерусская концепция «Москва – Третий Рим». Наиболее вероятно, что эта теория впервые была сформулирована старцем Филофеем в посланиях Василию

III: «Да вѣси, <...>, яко вся христианская царства приидоша в конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, <...>, то есть Роменское царство: два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти» («Послание о злых днехъ и часѣхъ»). Для Муравьева в данном случае не существенен перенос столицы из Москвы в Санкт-Петербург, ведь, как видится автору, вся Россия перенимает величие Римской Империи, как в политическом отношении, так и в религиозно-нравственном плане. Следуя этой логике, Муравьев в диалоге

Ромула и Кия устами Ромула описывает величие Римской империи, а Кий говорит о ее падении, ставя на ее место Россию. Кий прославляет мощь России, ее воинскую силу, Россия в репликах Кия становится средоточием всех благ цивилизации: «зрі Россію, разливающую просвѣщеніе от моря Балтійского до водъ, омывающихъ Новый Свѣт: воинства ея, флоты, искусства, учреждения» [Муравьев 1819, 1: 301]. Далее, в диалоге «Рюрикъ и Олегъ», автор развивает эту идею: его герои говорят о том, что Константинополь, прежде чем окончательно пасть, передал культурное наследие и право духовного лидерства Киевской Руси. Муравьев делает акцент не только на политическое и военное первенство России, то в дальнейшем более полно раскрываются идеи о ее религиозно-нравственном, духовном лидерстве среди других стран. Россия и монарх-помазанник Божий понимается как хранитель правой веры.

Диалог Ромула и Кия – первая глава «Разговоров мертвых». Впервые явившись уже в самом начале, концепция «Москва – Третий Рим», преображенная в идею о величии и процветании России звучит лейтмотивом во всем произведении.

Как считает Б.А.Успенский, идея «Москва – Третий Рим», хотя в Петровское время и не входила в круг официальной идеологии, но все же незримо присутствовала в государственной идеологии: «само обращение к Риму как норме и идеалу государственной мощи было традиционно для русской культуры» [Успенский 1994: 60].

Муравьев своеобразно возрождает из забвения теорию Третьего Рима и становится проводником этой идеи как в политическом плане (эти идеи вновь звучали во время войн с Турцией), так и в мировоззренческом (он предугадывает, в известном смысле, доктрину славянофилов в XIX веке).

Муравьев следует древнерусской традиции и в том, что, в его понимании, самодержавие, единоличная власть мудрого правителя – та сила, под властью которой объединяется государство. Герои Муравьева вторят героям древнерусской литературы, осуждая междоусобицу и любое разобщение, являющееся следствием заботы о личном благе, а не о благе государства и народа. Например, Михаил Никитич так говорит о мудрых правителях в диалоге Владимира и Карла Великого: «поставленные Провиденіем надъ народами... которые посвятили спокойствіе своей жизни благополучію вселенной» [Муравьев 1819, 1: 312]. То же представление о Божьей воле, мудром провидении, поставившем царя на это место, о благодати такого правления мы встречаем в «Послании на Угрю» Вассиана Рыло: «Тем же пророчески реши, Богом утвержденный царю: ... и престол твой правдою и кротостию и судом истинным совершен есть, и жезл силы послетти Господь от Сиона» [Вассиан Рыло 2015]. Здесь же мы видим образ монарха, который является источником процветания государства, благ установления законов, а также является залогом соблюдения законов и справедливости.

Обращаясь к истории Руси, Муравьев не может пройти и мимо темы междоусобных войн. Его герои сетуют на неразумие и эгоизм князей, разделяющих и раздирающих междоусобицами единое государство. В этом плане показательно будет сравнить «златое слово» Святослава из «Слова о полку Игореве» со словами Ярослава I: «Яролсави вси внуце и Всеслави.... Уже бо выскочите изъ дедней славе. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганя на землю русскую...» и «Онъ разделилъ области свои между нами, сынами своими, которые вмѣсто согласія и взаимной помощи обагрили Отечество кровію сограждан» и его же напутствие сыновья на смертном одре: «въ согласіи вы всехъ одолѣете; въ раздорѣ будете жертвою непріятелей» [Муравьев 1819, 1: 306].

С именем княгини Ольги Муравьев связывает первое явление христианства на Руси. «Радуйся, русское познание Бога, начало нашего с Ним примирения» - так писал автор «Повести временных лет», легендарный Нестор. Но в описании жизненного пути святой равноапостольной Ольги Муравьев как бы находится между Нестором, достаточно подробно изложившем мечь Княгини Ольги древлянам, – и автором жития Ольги, который вообще не оговаривает, что такая мечь имела место быть, а сама Ольга в диалоге со своим мужем Игорем говорит: «Я дѣйствовала по неспрѣдливимъ понятіямъ воспитанія моего и народныхъ нравовъ» [Муравьев 1819, 1: 311].

Муравьев стремится проникнуть и в психологию героини, более подробно пишет о мотивах Ольги в принятии новой веры. В данном случае он согласен с автором «Повести временных лет» и видит в основе крещения Ольги ее стремление к познанию истины и богопознанию. Принятие православной веры, по замыслу Муравьева, связывается со светом истинного знания в противовес тьме и жестокости язычества. Также Муравьев останавливает внимание на том, какую перемену принесло в душу Ольги принятие христианства: «въ каждомъ человѣкѣ видѣла я брата, видѣла въ Богѣ общаго Отца всѣхъ племень и языковъ, населяющихъ вселенную» [Муравьев 1819, 1: 311]. В ее уста Муравьев вкладывает слова о любви к людям, т.е. повторяет Вторую Заповедь и один из фундаментальных принципов христианства: «Возлюби ближнего своего как самого себя». Как и автор «Житія ... Ольги», Михаил Никитич говорит о ее вкладе в распространение на Руси христианства, просвещения, учреждении школ.

Главным и непосредственным преемником муравьевской нравственной традиции станет Василий Андреевич Жуковский. Известно, что он активно занимался подготовкой трудов Муравьева к изданию, знакомясь, таким образом, с муравьевской концепцией Добродетели и методикой органичной ассимиляции западной и отечественной философии Добродетели. Идеи об очищении души страданием, противопоставления роптания и смирения, о тайнах Бытия, неподвластных человеческому по-

ниманию и выражению в слове, о Добродетели, спасающей душу и потому являющейся одной из наибольших ценностей родственны миропониманию Жуковского и найдут полноценное развитие в его творчестве.

Литература

Вассиан Рыло. Послание на Угру // <http://old-ru.ru/06-5.html>. Доступ свободный. Проверено: 1.04.2015 г.

Жинкин Н. М.Н.Муравьев... // Известия Отдела русского языка и словесности. – 1913. – Т.18, кн.1. – С.273-352.

Кулакова Л.И. Поэзия М.Н.Муравьева // Муравьев М.Н. Стихотворения. – Л, 1967. – С.5-49.

Муравьев М.Н. Полное собрание сочинений. – Ч.1. – СПб., 1819.

Муравьев М.Н. Полное собрание сочинений. – Ч.3. – СПб, 1820.

Пытин А.Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I. – Т.3. – Пг., 1918.

Топоров В.Н. Из истории русской литературы. - Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н.Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга I. – М., 2001.

Успенский Б.А. Избранные труды. – Т.2: Язык и культура. – М., 1994.